Виктор КУНЦЕВИЧ

И неспроста я оглянулся

Неся свою поклажу,
И человек, и муравей,
Наверное, не важно.
А важно духом
С миром слиться
И восхищаться,
и молиться.

ОСЕНЬЮ

Я иду.
Осень рядом шагает,
Утверждая:
Далеко до титров,
Иногда
Дождями рыдает,
Размывая
В серый тон
Палитру.
Её взгляд —
Королевы воля.
А в улыбке —
Тоска, ранимость.
Я подумал:
Она позволит
Отразить себя
В рифмах.

* * *

Березку затоки
Пугает кровь рябин.
Стихотворений строки
Светлы, легки как бинт.
И ими я бинтую
Израненную душу,
А осень всё колдует,
Высматривает, слушает…
Листвою ветер вспенится,
В деревьях зашумит…
Пришла сестра-метелица,
Спросила: «Не болит?».

* * *

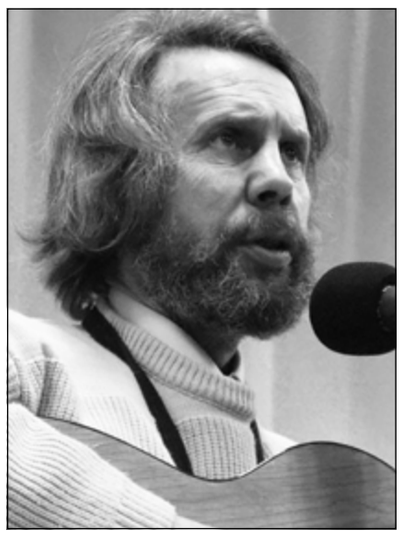
Чужие стихи
Не бывают чужими,
Когда восхищён: хороши!
Прочитаны строки чужие,
И ими
Окроплена почва души.
И зреет, светлеет,
Растёт вдохновенье.
Движения мыслей,
Сюжетов – легки.
И как описать
остроту наслажденья
Когда появляется
блеск у строки.

ПЕСЧИНКИ

Песчинки…
Люди как песчинки
Метёт их ветер
В мегаполисе Москва.
Шагают туфли,
Сапоги, ботинки,
Порхают стуки,
Шорохи, слова.
Машин поток
То спит, то свищет,
А то ползёт
Словно змея.
Шустрит у светофора
Нищий,
Стучится в окна:
Вот он – я!
Кареты проезжают мимо —
Что им до чьей-то
Нищеты?
И инвалид их
Материт спесиво —
Здесь фронт его
И здесь же – тыл.
Песчинки…
Люди как песчинки.
Сюда-туда,
Назад-вперед —
Они не просто
Сапоги, ботинки,
Они России
Коренной народ.
Москва…
Как много в этом слове
Восторга, боли,
Радости, греха…
Удачу здесь
Кавказец ловит,
Как немец
В 41-м петуха.
Надели шапки
И шарфы китайцы,
Для них шаурма
То же, что халва.
Чтобы простые
Золотыми стали яйца,
Они, где надо,
Закасают рукава.
Мы – белорусы.
Здесь мы не чужие.
Мы здесь, как корни
Клёнов и дубов —
Пусть их порой
Терзают ветры злые,
Живут в их листьях
Горстки наших слов.

Песчинки…
Люди, как песчинки.
Минуют годы
И наступит срок:
Сойдутся туфли,
Сапоги, ботинки —
И вот тогда
Посыпется песок.
Песок, который
Всё шлифует,
Очистит все,
Отпескоструит.

г. Могилёв



* * *

На озёрах ноябрь
вяжет цепкие белые сети
На пугливых подранков
и поздно окрепших птенцов.
Донага раздевает ольху
разгулявшийся ветер,
А она лишь дрожит,
закрывая рукам лицо.

Надеваю пальто,
не надеясь нисколько согреться, —
Тёмно-синяя грусть
затопила с утра целый свет —
Перелётные птицы
смогли на неё опереться…
Я за ними хотел…
Оглянулся, а крыльев-то нет.

Эко я воспарил,
что совсем не заметил пропажи,
Возомнил о себе,
а цена-то гордыне – пятак,
Навязал узелков,
да таких, что никто не развяжет.
А ведь мне говорили…
Но я не поверил, дурак!

* * *

Осыпаются мысли.
Опадают слова.
Перелески раскисли.
Оплыла синева.

Осязаема нежность.
Невесом ветерок.
А в глазах отразилось такое,
До чего мне вовек не дойти…

2.
Опускается белое, белое
На дороги, деревья, дома…
Это облако переспелое
Надевает на город зима.

Верховодит со знанием дела –
В подворотни метёт, во дворы…
А за городом осень несмело
Из собачьей глядит конуры.

Владимир ШЕМШУЧЕНКО

Ходит поздняя осень…

Очевидна небрежность
Непричёсанных строк.

Без особого шика
Разноцветный наряд
Листопад-горемыка
Износил до заплат.

Ходит поздняя осень —
Гроздь рябины в косе —
И не рыжая вовсе,
А нагая совсем.

ПРЕДЗИМЬЕ

1.
Растолкал облака ветерок.
В небе солнышко – мордочка лисья.
Прилетели ко мне на порог
Опалённые инеем листья.

Смёл метёлкой – чего их беречь?!
Отгуляла пора листопада…
Я хотел эти листья поджечь,
А жена мне сказала: «Не надо…».

Лист кленовый согрела в горсти
И поправила чёлку рукою.
Подзову и по шерсти поглажу –
С пегой осенью мне по пути,
А жена ей местечко покажет
От камина шагах в десяти.

Пью чаёк
из прадедовой кружки,
По наследству
доставшейся мне…
Ну а осень в углу, на дерюжке,
Спит себе, улыбаясь во сне.

3.
Ночь из двора-колодца
Вычерпала людей.
Снега хочется, солнца!
Где моё солнце? Где?!

Мне не угомониться,
Пасынку Караганды, –
Лижет луна-волчица
В полночь мои следы.

Свет твоего окошка…
Сорок ступенек – вмиг!
Снега хочется! Солнца!
Рук твоих, чёрт возьми!

мари

Это же видно. Высокий – статный, осанистый и борода княжеская, так и видится впереди богатырской рати. А «земеля» попроще: коротконогий, чуть косолапый, приземистый, зато рукастый и туловом взял.

Сон Степана Бурцева

Стёпке во сне видится огромная кошара, где работает его дядька. Это в приволжских степях, куда мать отправила его на каникулы. Дядька отбирает в загонах ярок и баранов. Коренастый и рукастый, он стоит поперёк овечьего потока и делит его не две части, хватая животину за рога или холку: этого сюда, эту сюда, этого в отару, этого на забой. И руки его, что поперечины шлагбаума, ни на миг не замирают – туда-сюда, туда-сюда…

Это тогда Стёпку впервые коснулась мысль о судьбе, жизни и смерти. Кто же решает это – быть тебе или не быть? С овцами понятно – дядька Митяй, а с людьми? И почему выходит так, а не иначе? И случайная смерть это тоже

судьба, или её вывих? Вопросов было больше, чем ответов. Он так и не решил ничего, пока ни попал в армию. Служить выпало в миротворческой части в Южной Осетии. Тут смерть приблизилась к нему на расстояние винтовочного выстрела. Вопросов не стало, а ответов было два: или – или…

Сон Ростислава Шелега

До чего же спится после этого вина! И сны всё ласковые. Вот предстаёт в полном составе семейство: жена Тая и сынки-близнята Тёма и Тима, то есть Артём и Тимофей. Где это? А-а, на кладбище, возле могилы деда Фрола. Весь крест увит плющом, к кресту ластится тимофеевка, люцерна, вьюнок, колосья пшеницы и ржи… Всё, что дед любил и лелеял. И пчёлы округ вьются, и шмели – тоже на помин собрались – жужжат умиротворённо, благодарственно.

Большую жизнь прожил дед, говорит Тая, – почти девяносто… Да, кивает он, а ведь и ранен был и контужен не раз. Три ордена, в том числе Славы… Боевой был. А в мирной жизни мухи не обидит. Так по сию пору вспоминают на хуторе. Всех приветит, обласкает – всякую былинку, букашку… С миром ладил, потому и прожил почти век… А мы? – встревает Тёма. А мы, – подхватывает Тима, – долго проживём? И мы долго, – уверяет он, отец. – Если будем миром жить. Землю свою беречь, реки, леса, воду, воздух… Родину.

* * *

Иногда отцы-командиры покидали пределы части, отлучаясь по неизвестным, только им ведомым делам. И тогда руководство подразделением поручалось Игорю Смолину. Старший по званию, он был замкомвзвода в Афгане, под Грозным, а когда погиб взводный, взял командование остатками взвода на себя – дело привычное. Так и тут: выводил бойцов на построение, объявлял распорядок дня, давал хозяйственные поручения, вёл занятия, когда завершалась самоподготовка. О чём говорил? О том, что положено знать солдату: обстановка в мире, в стране, кто с кем и за кого – тут всё важно. А ещё, конечно, собственным опытом делился и побуждал к этому сослуживцев. Он у всех разный, житейский багаж – у кого больше, у кого – совсем крохотный. Но ведь из таких малостей и складывается вековой народный опыт.

…Самый младший, Стёпка Бурцев вспоминал свой миротворческий блокпост. Южная Осетия. Август. Звёзды, как гроздья винограда. Стрекот цикад. Покой и тишина. Пользуясь случаем, принялся он при свете фонарика читать письма родителей. Подвернул ближе к огоньку и тут – пуля, как раз посередь матушкиного письма. Письмо вспыхнуло – пуля, видать, была зажигательная. Так и не узнал, как там дома, как здоровье матери, как ведут себя младшие братья – Санька да Гешка. А отцовское письмо сберeглось. Отец уехал на заработки в Германию. Работал на какой-то стройке вместе с греками и турками. Эхма! Как же всё перемешалось в этом сумасшедшем мире! Отец – внук боевого танкиста, который дошёл с боями до тех самых немецких земель, где теперь вкалывал на подёнщине его наследник. Но самое печальное даже не это. В экипаже деда, по его рассказам, был грузин, механик-водитель, верный друг и боевой товарищ, звали его Автандил. Кацо погиб под Берлином, на пороге Победы, общей Победы русских и грузин. А теперь грузинская пуля упорно выискивает правнука русского танкиста Бурцева, в экипаже которого воевал грузин Автандил.

…Архип Малыгин горевал о старшем брате. В очередной раз Антон взял кредит. Банк – кабала. Но что делать? Жить надо. Надеялся на осень – думал рассчитаться. А лето выдалось мокрое, кислое. С урожаем пролетел – ни зерновых, ни картошки, ни овоща… Даже сена путнего не накосил. Пришлось коров пустить под нож. Не расплатился, мало оказалось. Банк отобрал и трактор, и навесные орудия, что купил по весне. И всё равно долг остался. Потом и дом под опись пошёл. Жить в нём живут, но, по сути, дом-то уже не свой. Как приживалы ютятся…

Эх! – Шелег рубанул невидимой шашкой. – А страна-то своя? Ведь вся уже продана да заложена… – и снова рубанул, до того пылала душа.

2.

Миновал июнь, закончился июль. В середине августа деды-командиры назначили выход. Накануне похода зачитали приказ. И там были такие слова: «После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 80 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год… Отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог. Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад!

Таким теперь должен быть наш главный призыв…».

* * *

Путь предстоял неблизкий, однако по раскладкам дедов-командиров, которые вышли проводить питомцев, на исходный рубеж подразделение должно было выйти в срок. Ждать да догонять – хуже нет. Последняя команда, первые метры пути, и вот уже скрылись, растаяв в дымке силуэты гостеприимного военного городка и невеликую, что журавлиная вереница, колонну поглотило безбрежное российское пространство. Где просёлками, где большаком, то мимо сельских погостов, то близ монастырей, которым отдавались поклоны, подразделение двигалось к цели.

Яблочный Спас благоухал плодами и крестными ходами. Тоже – на Успенье Богородицы. Крестные ходы, как ручейки, сливались в родные реки и текли к монастырям, заветным православным местам. Туда же устремлялись и наши ратники.

Один попутный крестный ход оказался особенно велик. Шли дети и взрослые, женщины и старики. Глаза их лучились верой и убеждённостью. В поток крестного хода вливались новые живые ручейки, полня его русло. Тут шли старики-фронтовики, ветераны самой лютой войны. Хоть версту, хоть до того вон поворота, докуда хватит ещё сил. Стучали костылями мужики-«афганцы», и парни, которые горели на таджикской границе, в Чечне, в Дагестане. Шли, глухо скрипя протезами и стуча палками-подпорками, ветераны Даманского, чехословацкого противостояния, вьетнамские и ангольские добровольцы… Много их было на последнем русском веку воинов, кто по приказу или голосу совести брал в руки оружие. Вот это и был воистину народный фронт – не чета лукавому спектаклю, который затеяли идеологи власти.

На каком-то рубеже этот ход был остановлен. Шествие, благословлённое епархией, показалось подозрительным стражам порядка. Дорогу перегородили полицейскими УАЗиками и КамАЗами. А КамАЗы-то оказались не простые, а «воронки». В такой стойме можно затолкать человек шестьдесят, а то и поболе. Знать забеспокоилась олигархическая верхушка, коли создала новый общественный транспорт. Так иронизировали остановленные богомольцы.

Подразделение Игоря Смолина, не имея возможности ждать, свернуло на просёлочную дорогу. Так было оговорено приказом. Каково же было удивление бойцов, когда, сделав изрядный крюк, они вновь вышли на магистральный путь и оказались в арьергарде того же крестного хода. Препятствие, которое поставила наёмная сила, не остановило его. Крестный ход, как живая вода, обтёк валун. Да и то! Где подневольным служакам сдержать корневую народную веру и волю! Тем более такую, наполненную силой и энергетикой многих поколений православных русичей.

По-разному встречали крестный ход в городах и весях. Опасливо и отчуждённо отражали хоругви и лики Спаса тонированные окна банков и разных ростовщическо-меняльных контор. В окнах новорусских особняков трепетали жалюзи, в тень бетонных заборов прятались их угрюмые охранники, и даже ценные псы, задавливали свою икотную злобу при явлении полноводного хода. Зато народ, простой деревенский и городской люд, встречал крестный ход поклонами и крестными знамениями.

Бойцы подразделения, которое вёл сержант Смолин, обратили внимание на новую архитектуру. Большие и даже средние города и городки полосовали долгие тени. То застили Божье солнце небоскрёбы. Новые нувориши стали там и сям возводить на территории России свои сторожевые башни – капища золотого тельца. А для возведения этих сторожевых вышек привлекались гастарбайтеры, в основном приезжие из Средней Азии – числом поболее, оплатой поменее. Это были дальние потомки выходцев из Месопотамии, которые во времена оны возводили Вавилонскую башню. Башня та, как известно, рухнула, обратившись в строительный мусор и прах. Однако урок давний, как видно, не пошёл впрок ни наследникам безумных строителей, ни последышам царя Нимврода, который, возомнив себя равным Господу Богу, вознамерился достичь небесных чертогов и заместить Всевышнего.

Один из таких небоскрёбышей крестный ход, а за ним подразделение, ведомое сержантом Смолиным, обходили на заре. Гастарбайтеры, ночевавшие прямо на этажах высотки, сыпанули вниз – до того их поразила открывающаяся картина. Впереди шествуют женщины, старики, молодые люди, неся хоругви и иконы, а сзади в белесой облачной дымке плывёт само по себе боевое знамя. Сыпанули дети Востока вниз и разбежались кто куда, и только крановщик остался наверху, потому как за долги и штрафы был прикован к кабине крана.

* * *

Долго ли коротко, но до цели осталось рукой подать. В сизой осенней дымке проступили силуэты Москвы. Здесь, на подступах к столице, подразделение, что вёл сержант Смолин, встретилось с другими ратниками. И тогда открылось, что таких подразделений, сведённых волей двух бородатых генералов, собирается великое множество. Это передалось по цепочке. Одни с Севера, как они, – следом за журавлями. Другие – с Юга, встреч перелётным стаям. Третьи – с восхода, от солнца. Четвёртые – с заката, встреч ему. Крестным путём и в великом множестве.

Где незримо, а где и явственно ратники обтекали столичные предместья, пересекали МКАД, Садовое кольцо. Одни встали на семи холмах, иные устремились к центру. Среди таких было и подразделение сержанта Смолина.

И вот они – на краю Красной площади. За спиной собор Василия Блаженного. Слева Кремлёвская стена и Спасская башня. Справа Лобное место, давно не используемое. Против – Исторический музей, куда российская власть не захаживает…

Почему российские правители не учатся на уроках истории? Почему заставляют народ то и дело наступать на те же самые грабли, сберегая при этом свои медные лбы? Почему едва ли не главная их черта – верхоглядство?

Тем, кто стоит на краю Красной площади, есть о чём спросить у новых верховодов и есть за что предъявить счёт их предшественникам.

Игорю Смолину требуется отчёт за бездарный марш на Грозный и кровавую бойню, в которую верхогляды-верховоды бросили русских парней. Память заходится в крике, кружа над тем местом. Вот чадит, догорая, чья-то рука, подле – отсечённая голова. А вокруг враги. Скалятся, глумятся. Бородатый абрек пучит жёлтые глаза. Сними крест, не то хуже будет! Кинжал жалит ярёмную жилу. Струйка щекочет горло. Нет? Тогда разведи руки. И вот он – живой крест, распятие в стылом воздухе. Взмах тяжёлого тесака – и летит в огонь отрубленная рука. Его, Игоря, левая рука – это она без конца пылает в пламени памяти. А следом… Господи, помилуй! Спаси и сохрани! Дай сил снести муки! Троеперстие касается лба и живота… Не успеть… Душа взмывает безмолвной птицей. А крестик? Вот… Крестик, надетый крёстной мамой, как завершение знамения. Руда из разъятой артерии срывает его, но он не пропадает, а падает в ладонь правой руки, и десница Игорева в последний миг сжимается в кулак, оберегая святыню…

Свой спрос и у Степана Бурцева, рядового миротворческого батальона в Южной Осетии. Почему не сработала дальняя разведка? Была ли таковая вообще? И если была, почему не известила, что танки тифлисского шизофреника выдвигаются на исходные позиции? И если известила, почему в верхах не приняли упреждающие меры? Почему тянули с решением? Почему так поздно пришла подмога? И за что грузинская снайперская пуля оборвала его, Стёпки Бурцева, девятнадцатилетнюю жизнь?..

Свой счёт к Москве и у Ростислава Шелега. Донской рыбинспектор, гроза браконьеров, он направлен в дельту Волги, чтобы укротить осетровую мафию. С жуликами никаких компромиссов: вор должен сидеть в тюрьме. Штрафы, посадки, а в ответ угрозы. Противостояние с бандитами, повязанными с Москвой, доходит до предела, пока не доносится команда «Пли!». Отсюда, из столицы, летит подлая команда, и шесть латунных пчёл разрывают навылет казачью грудь. Заплакал на небесах старый казак Фрол. Его кудесные заговоры тут – увы! – бессильны. Не выдерживает удара сердце Таи. И вот уже кладбище, и два гроба. И возле них ополовиненное семейство: близнята Тёма и Тима. И вся жизнь…

Особый спрос к власти у подводника Малыгина. Архип Малыгин – гидроакустик АПЛ «Курск». Лодка на дне, она недвижима и безмолвна. В живых, похоже, только он. По шее что-то ползёт. Божья коровка? На морском-то дне? Нет, это не коровка, это кровь. Она точится из ушей. Это неправильно. Уши должны не источать, а впитывать. Кто это сказал? Да батя! Кто же ещё?! Ещё в детстве, когда лечил от кори. Батя – поэт, хотя и инженер. Уши должны впитывать звуки Мироздания – детский вздох, побудку сверчка, шелест крылец стрекозы… Стрекоза саморезом ввинчивается в пространство, а на том саморезе висит пейзаж Божьего мира. То, что батя изрекал, помнится, значит, мозг не угас. Жив и слух, даром что из ушей точится кровь. О чём шипит в отдалении радио? Аккумуляторы сели, а оно шипит. Это не радио. Это он своим уникальным слухом напрямую улавливает радиоволны. Доносятся слова – вопросы и ответы. Пресс-конференция. Где-то там наверху, не иначе в преисподней, обсуждают причины гибели подлодки. Новый вопрос и следом ответ: «Она утонула». Какой бесстрастный голос! «Она утонула»… Да знаешь ли ты, как она утонула?! Душа не выдерживает. Он-то, гидроакустик, спец первого класса, знает… И разгневанная душа, замурованная в умирающем железе, вырывается наружу, дабы в урочный час – вот он и настал! – спросить о цене предательства…

И вот – Красная площадь. Рекогносцировка завершена. Слева Спасская башня. Справа Лобное место. Против – Исторический музей, куда власть не захаживает. А памятник кому? Обогнули постамент. Обернулись. Надо же! Минин и Пожарский. Козьма Минич и Дмитрий Михайлович. Их… бородачи-командиры! Деды!

Десница Минина вскинута в порыве. Туда, показывает он на Кремль. Пора брать дело Отечества в свои руки, стучит сердце Патриота и Гражданина. Здесь, в центре, образовалась чёрная дыра. Её надо заполнить сердечной энергией. Этот сердечник – магнит невиданной мощи – взвихрит земное пространство, распахнувшееся от океана до океана, и центростремительная сила втянет в русское житие всех скитальцев родной земли, и вольных, и невольных. Встряхнёт умных байбаков и иванов, не помнящих родства, напомнив притчу о блудном сыне и заветы отчины и дедины, дабы сердца их обратились к высшему предназначению русского человека – служению Отечеству, угодному Всевышнему. И тогда Россия – светлая, дарованная Господом Родина, вновь воспрянет, укрыв сенью своих простёртых на полмира крыл всех своих возлюбленных чад. Вперёд, сыны!

Звучит валторна. Над площадью взлетает встречный марш. А из тонкого мира в мир видимый доносится клич:

– А ты чего стоишь? Особого приглашения ждёшь?! Али не видишь, что Родина-Мать на краю гибели?!

г. Архангельск